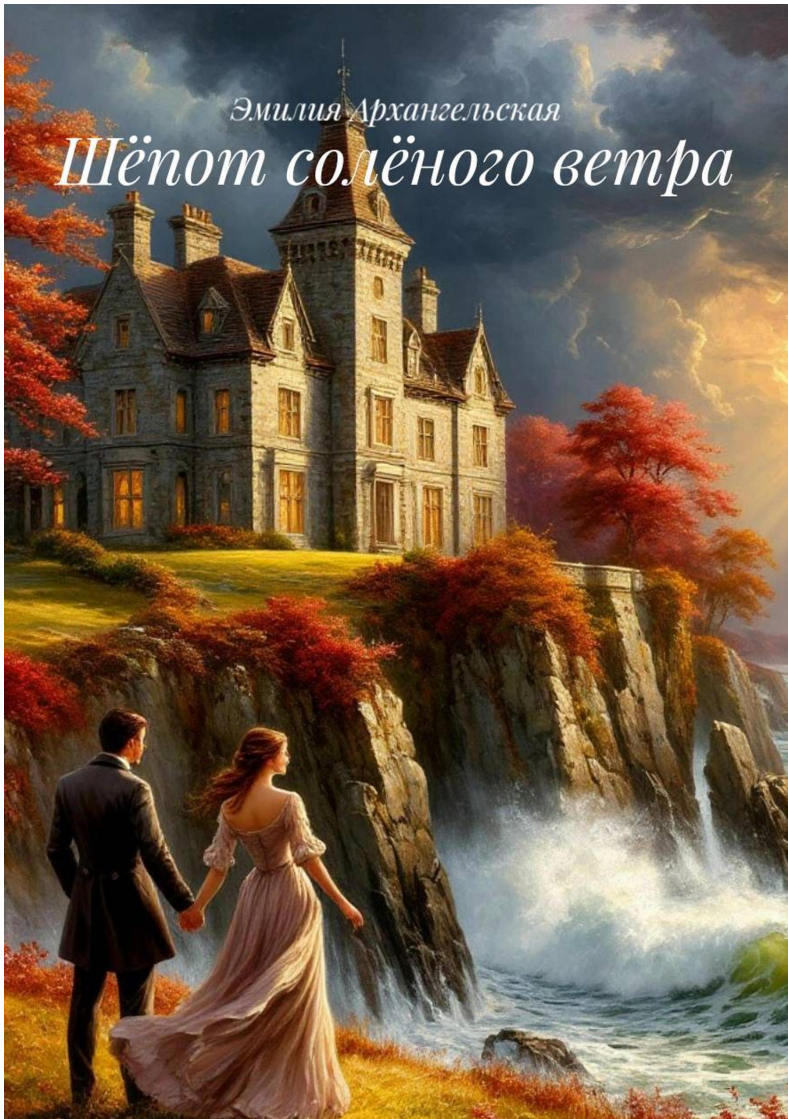

Эмилия Архангельская
Шёпот солёного ветра

Эмилия Архангельская

Шёпот солёного ветра

<https://litres.ru/74299522>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера приезжает в крошечный Приморск реставрировать библиотеку в заброшенной усадьбе на мысу. Она думает, что будет чинить книги. Но чинить придётся совсем другое.

Марк вернулся в дом деда, чтобы спрятаться. Три года назад он потерял жену. Три года молчал. Три года чинил стены — как будто если починить дом, можно починить то, что внутри.

Они встречаются на крыльце старого дома. Два сломанных человека. Две трещины. Она склеивает рассыпающиеся страницы. Он строгает дерево. Между ними — море, ветер, страх и тишина, в которой впервые за долгое время не одиноко.

А потом приходит шторм. Настоящий. Тот, после которого ничего не будет как прежде.

«Шёпот солёного ветра» — роман о том, как учатся дышать заново. О любви, которая не лечит, а даёт силы жить со шрамом. О двух людях, которые решили: лучше быть раненым вместе, чем целым поодиночке.

Эмилия Архангельская

Шёпот солёного ветра

Часть первая. Прибытие

Глава 1

Поезд замедлял ход, и Вера прижалась лбом к прохладному стеклу, вглядываясь в проплывающие за окном пейзажи. Сентябрь выдался тёплым, почти летним, но в воздухе уже чувствовалась та тонкая, едва уловимая перемена — будто кто-то невидимый чуть приоткрыл дверь в осень, и оттуда потянуло прохладой, прелыми листьями, горьковатым дымком.

Городок, куда она ехала, назывался Приморск — маленький, затерянный на

южном побережье, в стороне от шумных курортов и туристических маршрутов. Не тот, что на открытках с пальмами и белоснежными яхтами, а другой — с обветренными фасадами, с брусчаткой, отполированной до блеска сотнями лет чьих-то шагов, с запахом водорослей и соли, въевшимся в каждую щель, в каждый камень.

Вера отстранилась от окна и провела ладонью по лицу. Тридцать два года. Тридцать два года, из которых последние семь она провела рядом с человеком, которого, как ей казалось, любила. А потом однажды утром проснулась и поняла, что не может больше. Не может слышать его размеренное дыхание рядом, не может видеть его чашку на столе, не может ощущать его руку на своей талии. Не потому что разлюбила — а потому что любовь куда-то ушла, вытекла, как вода из треснувшего

сосуда, и на дне осталась только сухая, потрескавшаяся глина.

Она ушла тихо. Без скандалов, без битья посуды, без взаимных обвинений. Просто собрала вещи — те, что действительно были её, — и переехала к подруге. А потом позвонил Дмитрий Ильич, её старый преподаватель, и сказал: «Верочка, в Приморске есть один дом. Старая усадьба. Там библиотека — тысячи томов, многие в ужасающем состоянии. Нужен реставратор. Настоящий. Не халтурщик. Ты поедешь?»

И она сказала да. Не раздумывая. Не потому что хотела реставрировать книги — хотя хотела, конечно, любила это дело до дрожи в пальцах, до того тихого трепета, который охватывал, когда под иглой и клеем оживал рассыпающийся переплёт. А потому что ей нужно было уехать. Уехать далеко, туда, где

никто не знает её с Андреем, где она не будет наткаться взглядом на его любимую кофейню или на скамейку, где они целовались в первый раз.

Поезд дёрнулся и замер. Вера подхватила сумку — тяжёлую, набитую инструментами: костяными складными ножами, иглами для сшивания блоков, кистями разного ворса, баночками с клеящими составами. Сверху лежала любимая лупа в кожаном чехле, подарок отца.

Перрон был почти пуст. Только пожилая женщина с корзинкой, полной инжира, и мужчина в серой куртке, который, похоже, встречал кого-то другого. Вера огляделась, ища глазами табличку или хоть что-то, указывающее на то, что её здесь ждут. Ничего.

Она достала телефон. Сеть ловила плохо — одно деление, и то мигающее. Написала сообщение Дмитрию Ильичу: «Приехала. Перрон пуст. Куда идти?» Ответа не было.

Вера вздохнула, закинула сумку на плечо и потащила за собой чемодан. Колёсики дробно застучали по брусчатке, и этот звук — твёрдый, ритмичный, почти музыкальный — вдруг показался ей правильным. Как метроном. Как сердцебиение.

Городок раскрывался перед ней неспешно, лениво, будто кошка, потягивающаяся на солнце. Узкие улочки, увитые виноградом и бугенвиллией, дома из тёплого песчаника, ставни выкрашены в выгоревшие тона — голубой, терракотовый, бледно-жёлтый. Из приоткрытого окна второго этажа доносился голос — кто-то напевал что-то протяжное, тягучее, без слов. Пахло морем, нагретым

камнем и чем-то сладким, цветочным.

Она шла, сверяясь с картой в телефоне, пока та окончательно не загрузилась. Улица Виноградная, потом вниз, к набережной, потом направо, вдоль берега. Усадьба, как объяснил Дмитрий Ильич, стояла на мысе, в конце города, там, где скалы обрывались к морю.

Чем дальше она шла, тем тише становилось. Исчезали редкие прохожие, замолкали голоса. Только ветер — солёный, упругий — налетал порывами, трепал волосы, забирался под тонкий льняной пиджак. И море. Море было повсюду — невидимое, но слышимое, дышащее, огромное. Его шум нарастал с каждым шагом, и Вера чувствовала, как что-то внутри неё — туго сжатое, напряжённое, запертое на все замки за эти месяцы — начинает потихоньку, по

чуть-чуть, распускаться.

А потом она увидела дом.

Он стоял на самом краю мыса, будто корабль, севший на мель. Двухэтажный, из тёмного камня, с башенкой на углу и длинной верандой, обращённой к морю. Окна были темны, ставни закрыты, но само здание не выглядело мёртвым — скорее спящим. Вокруг него разросся сад — дикий, неухоженный, с кривыми яблонями и зарослями ежевики. Каменная ограда местами обвалилась, и через проломы виднелась тропинка, ведущая вниз, к пляжу.

Вера остановилась у ворот — кованых, покрытых ржавчиной и лишайником. Сердце вдруг забилось быстрее. Не от усталости. От предчувствия. Того самого, иррационального, необъяснимого, которое иногда охватывает перед чем-то важным.

Она толкнула калитку. Та скрипнула — протяжно, жалобно, — и этот звук разлетелся в тишине, как брошенный в воду камень.

— Эй! — крикнула Вера. — Есть кто-нибудь?

Тишина. Только ветер и море.

Она прошла по дорожке, заросшей травой по щиколотку, и поднялась на крыльцо. Дверь была массивная, дубовая, с железным кольцом вместо ручки. Вера постучала. Подождала. Постучала ещё раз.

Ничего.

Она достала телефон снова. Сообщение Дмитрию Ильичу всё ещё висело без ответа. Может, не добралось. Может, он забыл предупредить тех, кто здесь.

Вера села на верхнюю ступеньку крыльца, поставила сумку рядом и просто стала смотреть. Море простиралось перед ней — бесконечное, серо-синее, с белыми барашками у скал. Небо было высоким, светлым, с редкими перистыми облаками. Где-то далеко, на горизонте, темнела полоска — то ли туча, то ли другой берег.

И в этот момент она услышала шаги. Не свои, не эхо. Чужие. Размеренные, тяжёлые, приближающиеся со стороны сада.

Вера повернула голову.

Из-за угла дома вышел мужчина. Высокий, в потёртой рабочей куртке и джинсах, заляпанных чем-то белым — то ли краской, то ли штукатуркой. Тёмные волосы были растрёпаны, на скуле — полоска пыли. В руке

он держал молоток, и на его появление смотрел так, будто Вера была не человеком, а заблудившейся чайкой.

— Вы кто? — спросил он. Голос был низкий, чуть хриплый, с той шероховатостью, которая появляется, когда человек долго молчит.

— Вера. Вера Соколова. Реставратор. Мне сказали... — она запнулась. — Мне сказали, что здесь нужен реставратор. Для библиотеки.

Мужчина молчал. Смотрел на неё так, будто пытался решить — реальна ли она, или это какой-то странный мираж, порождённый жарой и усталостью. Потом медленно опустил молоток, сунул его в задний карман и провёл ладонью по лицу, размазывая пыль.

— Я не знал, что кто-то приедет сегодня, — сказал он. — Никто не предупреждал.

— А я не знала, что здесь кто-то есть, — ответила Вера. — Дверь заперта. Никто не отвечает.

Он усмехнулся. Коротко, без радости. Усмешка обозначила морщинки у глаз, и Вера вдруг заметила, что они у него серые. Не голубые, не зелёные — именно серые, как море в пасмурный день, как камень, как всё вокруг.

— Я Марк, — сказал он. — Марк Вяземский. Это мой дом. Точнее... — он обвёл взглядом фасад, будто видел его впервые. — Это дом моего деда. Который теперь, видимо, мой.

— Вяземский, — повторила Вера. Имя было знакомым. Дмитрий Ильич упоминал его. —

Мне говорили, что усадьба принадлежит... семье.

— Семье, — он повторил это слово с какой-то странной интонацией, будто оно было горьким на вкус. — Семье, которая не приезжала сюда двадцать лет. А потом дед умер, и выяснилось, что кроме меня наследников нет.

Пауза. Ветер трепал его куртку, шевелил прядь волос, упавшую на лоб. Вера смотрела на него и думала, что он похож на этот дом — такой же обветренный, угловатый, закрытый. С тёмными окнами и скрипучими ставнями.

— Так вы впустите меня? — спросила она. — Или мне искать гостиницу?

Марк помолчал ещё мгновение. Потом полез в карман куртки, достал связку ключей —

старых, тяжёлых, позвякивающих, как колокольчики.

— Заходите, — сказал он. И отступил в сторону, пропуская её к двери.

Глава 2

Внутри дом пах так, как пахнут все старые дома, долго стоявшие без людей: пылью, сухим деревом, чем-то неуловимо сладковатым — то ли плесенью, то ли воском, то ли временем. Вера переступила порог и остановилась, давая глазам привыкнуть к полумраку.

Прихожая была высокой, с потолком, расписанным потемневшей росписью —

виноградные лозы, птицы, ангелы с облупившимися крыльями. На полу — каменные плиты, потрескавшиеся, в щелях которых пробивалась тонкая трава. Слева уходила вверх лестница — широкая, деревянная, с перилами, отполированными до блеска чьими-то руками. Справа виднелась приоткрытая дверь, за которой угадывалось просторное помещение.

— Электричество есть, но не во всех комнатах, — сказал Марк, проходя мимо неё вглубь дома. Его шаги гулко отдавались в тишине. — Проводка старая. Я меняю постепенно, но это не быстро.

— А библиотека где? — спросила Вера, оглядываясь. Её пальцы уже чесались — хотелось открыть чемодан, достать инструменты, начать работу. Это было как наркотик: прикоснуться к старой книге,

почувствовать под пальцами шероховатость бумаги, вдохнуть запах пожелтевших страниц.

— На втором этаже. Западное крыло. — Марк остановился у лестницы и обернулся. — Но сначала нужно решить, где вы будете жить. В доме есть несколько комнат, но они... не готовы. Я занимаю восточное крыло. Западное пустует с тех пор, как умер дед.

— Мне хватит любой комнаты, — сказала Вера. — Кровать, стол, свет. Остальное неважно.

Он посмотрел на неё — пристально, оценивающе, будто проверял, не шутит ли. Потом кивнул.

— Тогда пойдёмте. Покажу.

Они поднялись по лестнице. Ступени поскрипывали, и этот звук был тёплым, живым, будто дерево жаловалось на одиночество. Наверху коридор расходился в две стороны — налево и направо. Марк повернул налево, к западному крылу.

— Здесь три спальни, — сказал он, открывая двери одну за другой. Первая была пуста — только кровать под пыльным чехлом и окно, затянутое паутиной. Во второй стоял шкаф, комод и стол, заваленный бумагами. Третья...

Вера замерла на пороге.

Комната была угловая, с двумя окнами — одно выходило в сад, другое смотрело прямо на море. И море было так близко, так ощутимо, что казалось, стоит протянуть руку — и коснёшься воды. Свет лился через стекло мягкий, рассеянный, золотистый, и в нём танцевали пылинки.

— Здесь, — сказала Вера. Не вопросительно. Утвердительно.

Марк кивнул.

— Постельное бельё в шкафу внизу. Я принесу. — Он помолчал. — И ещё. Здесь нет горячей воды. Есть колонка на кухне, можно греть. Душ... — он махнул рукой куда-то в сторону. — Есть летний душ во дворе. Не Бог весть что, но работает.

— Переживу, — сказала Вера.

Он снова усмехнулся — той же короткой, сдержанной усмешкой. И Вера вдруг подумала, что он, наверное, разучился улыбаться по-настоящему. Что эта усмешка — всё, что осталось от улыбки, её тень, её эхо.

— Я оставлю вас устраиваться, — сказал Марк. — Кухня внизу, первая дверь налево. Там есть чай, какая-то крупа, консервы. Не ресторан, но с голоду не умрёте. Если что-то нужно — я в мастерской. Это пристройка за домом, со стороны сада.

Он развернулся и пошёл прочь. Вера смотрела ему вслед — на его прямую спину, на чуть ссутуленные плечи, на то, как он чуть прихрамывает на левую ногу. Совсем немного, едва заметно. Но она заметила.

А потом он скрылся за поворотом коридора, и Вера осталась одна. В комнате, которая пахла морем и пылью. В доме, который молчал двадцать лет. В городе, которого она не знала.

Она поставила чемодан у стены, сбросила пиджак на кровать и подошла к окну. Море

лежало внизу — огромное, живое, дышащее. Волны нака-
тывали на скалы, разбивались, отступали, накатывали снова.
В этом ритме было что-то гипнотическое, успокаивающее.
Как дыхание. Как колыбельная.

Вера прижала ладонь к стеклу. Стекло было тёплым от
солнца.

— Ну вот, — сказала она вслух. В пустоту. В тишину. —
Начнём.

Глава 3

Первый вечер в Приморске пах дымом и жареной рыбой.
Вера вышла из дома, когда солнце уже клонилось к горизон-
ту, окрашивая небо в густые, почти

неправдоподобные цвета — оранжевый, розовый, лиловый. Тени от яблонь ложились на траву длинные, вытянутые, будто пальцы, тянущиеся к морю.

Она шла по тропинке вдоль ограды, и дом за её спиной темнел на фоне неба — тёмный, молчаливый, с единственным светящимся окном на втором этаже. Там, за стеклом, угадывалась фигура Марка. Он двигался медленно, размеренно, и Вера подумала, что он, наверное, работает. Что-то чинит, строит, реставрирует. Как и она. Только она чинит книги, а он — дома.

Внизу, у подножия мыса, виднелась набережная — узкая, вымощенная камнем, с редкими фонарями, которые уже начинали загораться. Там были люди — немного, горстка. Пара стариков на скамейке, женщина с коляской, подростки, сидящие на

парапете и болтающие ногами над водой.

Вера спустилась по тропинке и вышла на набережную. Ветер здесь был сильнее, солёнее, он забирался под одежду и охлаждал кожу. Море шумело — не громко, но настойчиво, как далёкий разговор, который не можешь разобрать, но чувствуешь его присутствие.

Она шла без цели, просто шла, и это было хорошо. Не нужно было никуда торопиться, не нужно было никому звонить, не нужно было объяснять, почему она здесь, почему ушла, почему не может вернуться. Здесь, в этом городке, она была никем. Просто женщиной с чемоданом и сумкой инструментов. Просто реставратором.

— Простите!

Вера обернулась. К ней спешила женщина —

полная, румяная, с копной рыжих волос, выбивающихся из-под косынки. В руках она несла корзину, из которой торчали хвосты зелёного лука и что-то круглое, завернутое в газету.

— Вы та самая? Из дома Вяземских? — Женщина остановилась перед Верой, чуть запыхавшись. Глаза у неё были живые, любопытные, блестящие. — Я видела, как вы приехали. Из поезда.

— Вера, — представилась Вера. — Да, я остановилась в усадьбе. Работаю в библиотеке.

— Работаешь! — Женщина хлопнула себя по бедру. — Ну, слава Богу, хоть кто-то взялся. А то стоит дом, стоит, как пугало, и никто ему не нужен. Я Галина. Галина Петровна. У меня кафе, там, на набережной, «Причал»

называется. Синие ставни, не пропустишь.

— Приятно познакомиться, — сказала Вера.

— И мне, милая, и мне. — Галина Петровна окинула её внимательным взглядом. — Худая ты. Ела сегодня?

Вера поняла, что нет. Не ела. С утра, с поезда, только вода и сухое печенье. Она покачала головой.

— Так и знала. — Галина Петровна сунула ей в руки что-то из корзины — завёрнутое в газету, тёплое, пахнущее чесноком и маслом. — Пирожок. С рыбой. Ешь. А вечером приходи в «Причал», накормлю ухой. Нечего голодной ходить, когда у меня кухня работает.

— Спасибо, — сказала Вера, и вдруг

почувствовала, как к горлу подступает что-то горячее, щиплющее. Не слёзы. Нет. Просто... тепло. Чужое, неожиданное, нежданное тепло, которое пробивалось сквозь скорлупу, которую она наращивала вокруг себя месяцами.

Галина Петровна кивнула, будто всё поняла, и зашагала прочь, махнув на прощание рукой. Вера смотрела ей вслед, а потом развернула газету и откусила пирожок. Он был горячим, маслянистым, с хрустящей корочкой и нежной рыбной начинкой. И было в нём что-то такое — домашнее, простое, настоящее, — от чего внутри стало чуть легче.

Она села на парапет, свесив ноги к воде, и ела пирожок, глядя на море. Солнце садилось, и вода из серо-синей становилась золотой, потом медной, потом тёмной, как

вино. Где-то далеко кричали чайки. Где-то близко смеялись дети.

И Вера подумала: может быть, здесь можно начать дышать заново. Может быть, здесь, на краю земли, у моря, в доме с тёмными окнами и скрипучей лестницей, можно собрать себя по кусочкам. Как книгу. Как рассыпающийся переплёт. Страница за страницей. Нитка за ниткой.

Она доела пирожок, вытерла руки о салфетку и встала. Пора было возвращаться. Завтра — работа. Завтра — книги. Завтра — всё начнётся.

Она возвращалась к дому в сумерках, когда небо уже стало глубоким, тёмно-синим, и на нём проступили первые звёзды. Тропинка вилась между кустов ежевики, и в тишине

было слышно, как где-то в листве возится и фыркает ёж.

У пристройки горел свет — тёплый, жёлтый, пробивающийся из-под двери. Вера замедлила шаг. Через окно она видела Марка. Он стоял у верстака, склонившись над чем-то, и двигал руками медленно, сосредоточенно. Вера не могла разглядеть, что именно он делает, но в его позе было что-то завораживающее — та полная, абсолютная погружённость в работу, которую она знала по себе. Когда мир сужается до размера того, что у тебя в руках. Когда не существует ничего, кроме этого куска дерева, этой нитки, этой страницы.

Она постояла немного, глядя на него через стекло. Потом пошла дальше, к дому, к своей комнате наверху.

В комнате было темно. Вера нащупала выключатель, щёлкнула — свет не загорелся. Щёлкнула ещё раз. Ничего.

— Проводка старая, — пробормотала она, вспоминая слова Марка.

Она достала из чемодана фонарик, включила. Луч выхватил из темноты кровать, стол, окно. Море за стеклом было чёрным, и только пена на гребнях волн светилась бледно, призрачно.

Вера нашла в шкафу бельё — старое, но чистое, пахнущее лавандой и нафталином. Застелила кровать. Села на край. И вдруг почувствовала усталость — навалившуюся, тяжёлую, как одеяло. Не физическую. Другую. Ту, которая копилась месяцами, которая пряталась за деловитостью и собранностью, за «я в порядке» и «я

справлюсь».

Она легла, не раздеваясь, и уставилась в потолок. Трещины на штукатурке в свете фонарика напоминали реки на карте. Или вены. Или корни дерева.

Снизу, из-под пола, доносился далёкий звук. Ритмичный, мягкий. Стук молотка. Марк всё ещё работал.

И под этот стук — мерный, спокойный, как сердцебиение, — Вера закрыла глаза. И впервые за долгое время уснула без снотворного.

Глава 4

Утро началось с крика чаек.

Они орали за окном — нагло, требовательно, будто знали, что в доме есть кто-то, кто обязан их накормить. Вера открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Комната была залита светом — мягким, золотистым, льющимся через оба окна. Море блестело, как расплавленное серебро, и воздух пах солью и чем-то цветочным — то ли жасмином, то ли дикой розой.

Она села, потянулась. Спина ныла — матрас был старый, продавленный. Но в целом она чувствовала себя... лучше. Не хорошо. Не радостно. Но — легче. Будто за ночь кто-то вытащил из груди маленький острый камешек, который она таскала с собой месяцами и уже привыкла к его присутствию.

Вера оделась — простые джинсы, белая

рубашка, волосы собрала в небрежный пучок, — и спустилась вниз. Кухня была там, где сказал Марк: первая дверь налево. Просторная, с большим столом из тёмного дерева, с плитой, покрытой сколами эмали, с окном, выходящим в сад. На подоконнике стояла жестяная банка с чаем и пачка печенья.

Она поставила чайник — старый, жестяной, со свистком. Пока вода грелась, обошла кухню. В шкафу нашлась крупа, макароны, несколько банок консервов. В холодильнике — который, к счастью, работал — лежали яйца, кусок сыра и полбулки чёрного хлеба. Не густо, но на первое время хватит.

Чайник засвистел. Вера заварила чай, отломил кусок хлеба, намазала сыром и села у окна. Сад за стеклом был залит солнцем. Яблони отбрасывали кружевную тень, и в этой тени кто-то шевелился. Вера

прищурилась. Ёж. Тот самый, вчерашний. Ковылял по траве, деловито фыркая.

Она улыбнулась. Впервые за неделю. Или за две. Не помнила точно.

Когда чай был допит, а крошки сметены со стола, Вера отправилась на поиски библиотеки. Марк сказал: западное крыло, второй этаж. Она поднялась по лестнице и пошла по коридору направо — туда, где вчера не была.

Коридор здесь был длиннее и темнее. Обои на стенах пожелтели и местами отслоились, открывая под собой более старые слои — с другим рисунком, другой эпохи. Пол скрипел громче, и каждый шаг отдавался эхом в тишине.

Дверь в библиотеку была двустворчатая, из

тёмного дерева, с бронзовыми ручками в виде львиных голов. Вера толкнула одну створку, и она поддалась с тихим стоном.

И Вера замерла.

Комната была огромная. Высокий потолок, лепнина, потемневшая от времени. Стеллажи от пола до потолка — из тёмного дуба, резные, с витыми колоннами. И книги. Тысячи книг. Десятки тысяч. В кожаных переплётах, в тканевых, в бумажных обложках. На полках, на столе, в стопках на полу. Некоторые — в идеальном состоянии, другие — рассыпающиеся, с вырванными страницами, с пятнами плесени и воды.

Воздух здесь был густой, плотный, пропитанный запахом бумаги и кожи. Вера вдохнула — и почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Это был её мир. Её стихия. То

место, где она была не просто Верой Соколовой, тридцати двух лет, с разбитой жизнью и пустым сердцем, а мастером. Ремесленником. Тем, кто возвращает к жизни то, что другие считают мёртвым.

Она прошла вглубь комнаты, проводя пальцами по корешкам книг. Кожаные, тиснёные золотом. Тканевые, с вышитыми узорами. Бумажные, хрупкие, как крылья бабочек. Каждая книга была историей. Не только той, что написана на страницах, но и своей собственной — историей переплёта, бумаги, рук, которые её держали.

— Нравится?

Вера обернулась. Марк стоял в дверном проёме, скрестив руки на груди. Сегодня на нём была другая куртка — тёмно-синяя, чистая, — и волосы он, видимо, причесал,

хотя они всё равно торчали в разные стороны. На щеке ещё осталась вчерашняя полоска пыли.

— Это... — Вера обвела рукой комнату. — Это невероятно. Сколько здесь томов?

— Дед говорил — около двенадцати тысяч. Но я не считал. Может, больше. Может, меньше. Часть он вывез в город, часть продал. Но основа осталась. — Он вошёл в комнату, и его шаги были тихими, осторожными, будто он боялся разбудить что-то. — Он собирал это всю жизнь. Сорок лет. Может, больше.

— Ваш дед был... коллекционером?

— Библиофилом. — Марк усмехнулся. — Хотя бабушка называла это «болезнью». Говорила, что он любит книги больше, чем её.

Вера посмотрела на него. В его голосе было что-то — не горечь, нет. Скорее задумчивость. Мягкая, далёкая, как эхо.

— А вы? — спросила она. — Вы любите книги?

Марк помолчал. Посмотрел на стеллажи. Провёл пальцем по корешку — осторожно, едва касаясь.

— Я люблю дома, — сказал он наконец. — Здания. Стены. То, как они держат пространство. Как хранят время. Книги... книги — это не моё. Но я понимаю, почему дед их любил.

Он повернулся к Вере.

— Что вам нужно для работы? Стол, свет, инструменты?

— Стол у меня есть.

Глава 5

Первые дни слились в один — длинный, тягучий, наполненный работой. Вера вставала с рассветом, пила чай на кухне, поднималась в библиотеку и не выходила оттуда до темноты. Она разбирала книги — осторожно, бережно, как археолог разбирает черепки. Раскладывала по состоянию: те, что ещё держатся, те, что рассыпаются, те, что уже не спасти. Вела список в толстом блокноте, записывая название, автора, год, состояние переплёта, состояние блока.

Работа была кропотливой, медленной, требующей терпения и точности. Но Вера любила её. Любила тишину, в которой только

шелест страниц и потрескивание клея. Любила запах — специфический, библиотечный, ни на что не похожий. Любила ощущение, когда под её руками книга переставала быть мёртвой, рассыпающейся и снова становилась целой. Живой.

Марка она видела мало. Он был где-то в своей мастерской или в доме — она слышала стук молотка, скрип пилы, иногда его голос, когда он разговаривал сам с собой или ругался, когда что-то не получалось. Вечером они иногда пересекались на кухне — он заходил за водой или за чаем, она грела ужин. Перекидывались парой фраз. Не больше.

— Как продвигается? — спрашивал он, наливая воду в стакан.

— Медленно, — отвечала Вера. — Но

продвигается.

— Это главное, — говорил он. И уходил.

Или:

— Вы ужинали?

— Да. Галина Петровна накормила.

— Хорошо.

И тишина. И скрип половиц под его шагами. И стук молотка из-за стены.

Но на четвёртый день что-то изменилось.

Вера работала над томиком стихов — старым, в кожаном переплёте, с золотым тиснением на корешке. Переплёт был повреждён: кожа потрескалась, нитки

сгнили, блок держался на честном слове. Она аккуратно разбирала его, страницу за страницей, раскладывая на столе, когда слышала шаги. Не Марка — другие. Лёгкие, быстрые, шаркающие.

Дверь библиотеки приоткрылась, и в щель просунулась голова. Пожилая женщина — маленькая, сухонькая, с седыми волосами, собранными в тугий пучок, и глазами, блестящими, как бусинки.

— Ой, — сказала она. — Живая. А Марк сказал, тут ре-ставратор. Я думала, может, привидение. Дом-то пустой стоял, я и привыкла.

Вера отложила книгу и встала.

— Здравствуйте. Я Вера.

— Зинаида Марковна, — представилась

женщина, входя в комнату. Она была в тёмном платье и вязаной кофте, несмотря на тёплый день. На шее висели очки на цепочке. — Я тут рядом живу. В домике у ограды. Дед ваш... — она осеклась. — Дед Марка. Он мне другом был. Соседом.

— Приятно познакомиться, — сказала Вера.

Зинаида Марковна подошла ближе, оглядывая стол, разложенные книги, инструменты. Её лицо изменилось — стало мягче, теплее.

— Руки-то, руки, — прошептала она. — Как у него. У Григория Степановича. Тоже так сидел, над книгами. Часами. Я ему суп носила, а он не слышал. «Зина, — говорил, — подожди, тут страница отходит». — Она хихикнула. — А суп стынет.

Вера улыбнулась.

— Вы давно здесь живёте?

— С рождения. Восемьдесят три года. — Зинаида Марковна села на край стола, бесцеремонно, по-хозяйски. — Всю жизнь. Тут родилась, тут и помру. А дом этот... — она обвела взглядом библиотеку. — Я тут девочкой бегала. Григорий Степанович меня пускал. Говорил: «Зинка, не трогай книги руками, смотри глазами». А я всё равно трогала. Тайком.

Вера рассмеялась. Зинаида Марковна тоже. И в этом смехе было что-то такое — лёгкое, детское, — что сделало комнату теплее.

— А Марк? — спросила Вера, понизив голос. — Он... как он?

Зинаида Марковна посмотрела на неё. Долго. Внимательно. Потом вздохнула.

— Сложный он, милая. Замкнутый. Как отец его был. Вяземские вообще такие — в себе. Всё держат. Никому не показывают. — Она помолчала. — У него жена была. Катя. Три года назад умерла. Болезнь. Быстро. За два месяца. И с тех пор он... — она махнула рукой. — Не знаю, что с тех пор. Не приезжал. Не звонил. А тут вдруг объявился. Месяц назад. Приехал и стал дом чинить. Молча. Один. Как будто от чего-то прячется.

Вера молчала. Внутри что-то сжалось — не от жалости, нет. От узнавания. От того самого чувства, когда ты видишь в другом человеке то же, что в себе. Ту же рану. Ту же пустоту. Ту же попытку заткнуть её работой, тишиной, одиночеством.

— Спасибо, что рассказали, — сказала она тихо.

Зинаида Марковна кивнула. Встала. Поправила кофту.

— Ты приходи ко мне, если что. Я тут, рядом. Чай, варенье, сплетни. Всё есть. — Она подмигнула. — А Марку не говори, что я тебе про Катю рассказала. Он не любит, когда о ней говорят.

— Не скажу, — пообещала Вера.

Зинаида Марковна ушла. А Вера села обратно за стол, посмотрела на разобранную книгу, на свои руки, на которых остались следы клея и пыли. И подумала: три года. Три года он носит это в себе. Три года молчит. И чинит дом. Как будто если починить стены, можно починить и то, что внутри.

Она знала это чувство. Знала, как хочется занять руки, чтобы не думать. Как хочется сосредоточиться на чём-то внешнем, материальном, осязаемом, чтобы не провалиться в ту чёрную дыру, которая зияет внутри.

Вера взяла книгу. Аккуратно, бережно. И продолжила работу. Страница за страницей. Нитка за ниткой.

Глава 6

Неделя прошла. Вера втянулась в ритм — размеренный, неторопливый, подчинённый солнцу и приливам. Утром работа, днём перерыв на обед, вечером прогулка по

набережной или сидение на крыльце с книгой. Она не читала — нет. Просто сидела и смотрела на море. Или на небо. Или на то, как ветер шевелит листья яблонь.

Марк всё так же был рядом и далеко одновременно. Они виделись на кухне, в коридоре, иногда во дворе. Пару раз он приносил ей чай — молча ставил кружку на край стола в библиотеке и уходил. Пару раз она заходила в мастерскую, чтобы попросить гвоздь или кусок проволоки для книжного прессы.

Мастерская была пристроена к дому со стороны сада — длинное, низкое помещение с большими окнами и верстаком во всю стену. Там пахло деревом, лаком и металлом. Марк делал мебель — или чинил старую. Вера видела стул с резной спинкой, который он восстанавливал, и комод,

покрытый слоем старой краски, которую он снимал шпателем.

— Красиво, — сказала она однажды, глядя на стул.

Марк пожал плечами.

— Просто дерево. Старое, разохшееся. Нужно склеить, зашкурить, покрыть маслом. Ничего особенного.

Но Вера видела, как он проводит рукой по спинке стула — нежно, почти любовно. Как наклоняет голову, проверяя, ровно ли легла стамеска. Как хмурится, если что-то не так. Для него это не было «просто дерево». Это был разговор. Диалог с материалом, с формой, с временем.

Она понимала это. Потому что сама так же

разговаривала с книгами.

На восьмой день случилось то, что нарушило размеренный ход вещей.

Вера работала в библиотеке, склонившись над очередным томом, когда услышала звук. Не стук молотка, не скрип половиц. Другой. Глухой, тяжёлый. Будто что-то упало. А потом — голос. Марка. Низкий, напряжённый, с надрывом.

— Нет. Нет, нет, нет...

Вера выпрямилась. Прислушалась. Звук шёл снизу, из-под пола. Из мастерской.

Она не стала думать. Не стала решать, удобно ли, этично ли. Просто встала и пошла. Быстро, почти бегом, по коридору, по лестнице, через двор. Дверь мастерской

была приоткрыта.

Вера заглянула. И остановилась.

Марк сидел на полу. Спина прижата к верстаку, ноги вытянуты, голова опущена. В руках он держал что-то — маленькое, деревянное. И плечи его вздрагивали. Не рыдания. Нет. Тихие, сдержанные, глухие толчки. Как у человека, который не умеет плакать. Который забыл, как это делается.

Вера замерла в дверном проёме. Не знала, что делать. Войти? Уйти? Сделать вид, что не видела?

А потом Марк поднял голову. Увидел её. И не отвёл взгляд. Не закрылся. Не сказал «уйди». Просто смотрел на неё — красными, мокрыми глазами, с тем выражением, которое бывает у человека, когда его застали в самый уязвимый момент, и у него

уже нет сил притворяться.

— Простите, — сказал он. Голос был хриплый, севший.
— Я... это...

— Не нужно, — сказала Вера. — Не нужно объяснять.

Она вошла. Тихо, осторожно. Села рядом с ним на пол — не близко, но и не далеко. На расстоянии вытянутой руки.

Марк молчал. Смотрел на то, что держал в руках. Вера скосила глаза. Это была деревянная фигурка. Маленькая, вырезанная из светлого дерева. Женщина. С длинными волосами, в платье, с чуть склонённой головой. Простая, неумелая, но трогательная.

— Катя, — сказал Марк. Тихо. Так тихо, что

Вера едва расслышала. — Она любила... я ей вырезал. В юности. Кривую, страшную. А она говорила, что это самая красивая вещь, которую ей дарили.

Пауза. Ветер стучал в окно. Где-то далеко кричала чайка.

— Три года, — сказал Марк. — Три года я не мог зайти в эту мастерскую. Не мог взять в руки стамеску. Не мог... — он сглотнул. — А сегодня взял. И она... фигурка... упала с полки. Я не заметил. И она... треснула.

Он показал. Тонкая трещина шла по голове фигурки, от макушки к подбородку. Как шрам. Как рана.

Вера смотрела на трещину. И думала о книгах. О том, как часто ей приносят книги с трещинами, с разрывами, с вырванными

страницами. И она чинит их. Склеивает. Сшивает. Заклеивает. Возвращает к жизни. Не делает новыми — нет. Шрам остаётся. Но книга снова целая. Снова может жить.

— Её можно склеить, — сказала Вера. Тихо. Осторожно. — Трещину. Если аккуратно. Клей для дерева, тонкая кисть. Будет почти незаметно.

Марк посмотрел на неё. Долго. И в его глазах было что-то — не благодарность, нет. Что-то другое. Удивление. И ещё — хрупкое, тонкое, как трещина на дереве, — доверие.

— Вы... вы можете? — спросил он.

— Могу, — сказала Вера. — Если хотите.

Он молчал. Потом протянул ей фигурку. Осторожно, как протягивают что-то

бесценное. Вера взяла. Пальцы их на мгновение соприкоснулись — его, тёплые, шершавые от работы, и её, прохладные, в следах клея. И в этом касании было что-то — не электричество, не искра. Что-то другое. Тихое. Осторожное. Как первый шаг по тонкому льду.

— Завтра, — сказала Вера. — Утром. Клей должен сохнуть медленно.

Марк кивнул. Не сказал спасибо. Не нужно было. Вера встала. Марк тоже поднялся — медленно, тяжело, как человек, у которого затекли ноги.

Они стояли друг напротив друга. Близко. В тесной мастерской, пахнувшей деревом и лаком. И Вера видела, как у него на виске бьётся жилка. Как он сжимает и разжимает кулаки. Как пытается взять себя в руки.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи, — ответил он.

И Вера ушла. В дом. В свою комнату. Села на кровать и долго смотрела в окно, на чёрное море и звёзды. И думала о трещинах. О том, что у всех они есть. У книг, у домов, у людей. И о том, что иногда для того, чтобы склеить, нужен кто-то рядом. Кто-то, кто не будет торопить. Кто просто сидит рядом на пол и скажет: «Её можно починить».

Глава 7

Утром Вера принесла в мастерскую клей — специальный, для дерева, который она привезла с собой. Тонкую кисть. Зажимы.

Марк уже был там. Сидел за верстаком и смотрел на фигурку, стоящую перед ним. Не трогал. Просто смотрел.

— Готова? — спросил он, когда Вера вошла.

— Готова, — кивнула она.

Она села на табурет, придвинула фигурку к себе. Трещина была тонкой, но глубокой. Дерево светлое, мягкое — липа, кажется. Вера взяла кисть, макнула в клей. Аккуратно, тонким слоем, нанесла на края трещины. Потом — зажим. Маленький, деликатный, чтобы не раздавить.

— Нужно подождать, — сказала она. — Час, может, два. Не трогать.

Марк кивнул. Но не ушёл. Остался стоять рядом, глядя, как она работает.

— Вы всегда так? — спросил он. — С книгами?

— Как?

— Аккуратно. Как будто они живые.

Вера пожала плечами.

— Для меня они живые. Каждая книга — это чья-то жизнь. Кто-то её читал, держал, любил. Кто-то плакал над ней. Или смеялся. Или засыпал, уткнувшись в неё лицом. Все эти следы — пятна, заломы, записки на полях — это не повреждения. Это история. Я не убираю их. Я сохраняю.

Марк молчал. Потом сказал:

— Катя читала вслух. Каждую ночь. Мне. Или просто в воздух. Говорила, что книгам нужно,

чтобы их читали вслух. Что от этого они живут.

Вера не ответила. Просто кивнула. И они стояли рядом в тишине мастерской, глядя на маленькую деревянную женщину с трещиной на голове, и молчали. И это молчание было не неловким. Не тяжёлым. А тихим. Общим. Как у двух людей, которые нашли друг в друге что-то знакомое и не торопятся это называть.

К вечеру клей высох. Вера сняла зажим, осмотрела трещину. Почти незаметна. Тонкая белая линия, которая со временем станет ещё тоньше. Или исчезнет. Или останется — как напоминание.

— Держите, — она протянула фигурку Марку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.